

УДК 930.25

doi 10.17072/2219-3111-2023-2-41-48

Ссылка для цитирования: Крих С. Б. Региональные версии советского нарратива: к проблеме издания архивных материалов // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2(61). С. 41–48.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ СОВЕТСКОГО НАРРАТИВА: К ПРОБЛЕМЕ ИЗДАНИЯ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ¹

С. Б. Крих

Омский государственный университет, 644077, Россия, Омск, пр-т Мира, 55а

krikh@rambler.ru

ResearcherID: M-5123-2016

Scopus Author: 57194386149

Статья посвящена анализу двух изданий переписки между медиевистами М. Я. Сюзюмовым (1893–1982) и В. Т. Сиротенко (1915–2006), которая продолжалась на протяжении более чем пятнадцати лет, до самой смерти одного из адресатов. Первый из них был по преимуществу византинистом, но, кроме этого, отличался большим интересом к обобщению исторического процесса и страстью к ведению дискуссий, второй изучал период перехода от Античности к Средним векам на территории Европы. Переписка свидетельствует о том, что М. Я. Сюзюмов фактически выступил научным консультантом при написании докторской В. Т. Сиротенко. Издание 25 писем было осуществлено в 2021 г. в двух версиях: в монографии А. Венгера и в статье К. Р. Капсальковой; обе версии независимы друг от друга и расходятся между собой в десятках более или менее существенных деталей. В статье показано, что подобное различие объясняется техническими ошибками, разными принципами публикации архивных материалов и отдельными решениями, которые принимали публикаторы, вынужденные иметь дело с опечатками, неточностями и авторской пунктуацией участников переписки. Эти проблемы иногда довольно существенны и могут повлиять на понимание читателем содержания переписки. Автор данной статьи показывает, какие детали в переписке не заслужили внимания со стороны издателей, что понизило научную ценность их изданий. В частности, переписка может служить хорошим свидетельством положения дел в провинциальной науке позднего советского времени, показывает то, как формировались региональные версии советского исторического нарратива.

Ключевые слова: архивные источники, источниковедение советского периода, советская историография, провинциальная наука, М. Я. Сюзюмов, В. Т. Сиротенко.

В истории советской историографии поздней древности и раннего Средневековья особое место занимает сюжет, связанный с пермским историком В. Т. Сиротенко (1915–2006), бесспорный вклад которого заключается в том, что он последовательно критиковал тезис о союзе между вторгавшимися на территорию слабеющей Римской империи варварами и низами местного населения. Сиротенко работал в нескольких вузах на территории СССР и России: в Перми, в Днепропетровске, а в конце жизни в Арзамасе, – и считал себя самым яростным противником концепта «революции рабов»; его взглядам и судьбе посвящены уже две монографии [Венгер, 2021; Волошин, 2016]. Разобраться в том, как выстраивались эти взгляды, попытаться прийти через анализ самовосприятия ученого и его восприятия другими к объективному положению дел в науке помогают в том числе архивные источники.

Переписка между известным свердловским медиевистом М. Я. Сюзюмовым (1893–1982) и В. Т. Сиротенко составляет 25 писем (включая короткие поздравления). Велась она в 1966–1982 гг. и была опубликована в 2021 г. дважды – в монографии А. Венгера и в журнальной публикации, подготовленной К. Р. Капсальковой. Публикации подготовлены независимо друг от друга, в обоих случаях авторы проделали большую работу и предоставили читателям богатую информацию в комментариях (причем в каждом комментарии содержится в том числе такая полезная информация, которой нет в другом), но при этом в обоих случаях есть ряд просчетов, которые и вызвали к жизни мои замечания. Они же, в свою очередь, приведут нас и к некоторым более общим выводам, касающимся состояния советской науки в ее поздний период. Переписка начинается с обсуждения содержания докторской диссертации, над которой работал Сиротенко и в защите ко-

торой Сюзюмов принимал самое активное участие, а в поздние годы в ней увеличивается уже личное содержание: поздравления с праздниками, пожелания здоровья родным.

Прежде всего нужно сказать о технической стороне дела: если читатель сравнит два издания переписки, то обнаружит, что тексты писем совпадают не дословно – и речь в данном случае не идет о том, что издатели по-разному технически оформляют сокращения слов или передают курсивом текст, в оригинале выделенный прописными буквами [Капсалькова, 2021, с. 32-15]² (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 10) – при использовании печатной машинки курсив сделать практически невозможно, и то, что А. Венгер оставил набор прописными буквами, а К. Р. Капсалькова перевела это в курсив, можно считать двумя равнодопустимыми решениями. Но дело в том, что и за пределами этих деталей можно увидеть десятки несовпадений в двух изданиях писем. Особенное недоумение может вызвать сопоставление расхождений при публикации машинописных копий: казалось бы, какие здесь могут быть разночтения? Только обращение к оригиналам может прояснить дело, вскрывая несколько разные принципы публикации у А. Венгера и К. Р. Капсальковой.

Впрочем, иногда дело не в принципах, а в обычных ошибках или опечатках самих издателей. Например, после фразы «Согласен с Вами – германизм еще не сокрушен» А. Венгер начинает новый абзац [Венгер, 2021, с. 104], потому что в оригинальном письме после этого предложения Сиротенко оставил пробел до конца строки (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 10). Но поскольку следующее предложение начато не с красной строки, зато с длинного слова «Свидетельство», то пробел вновь объясняется особенностями набора текста на печатной машинке: корреспондент не был уверен в том, что уместит значительную часть большого слова в оставшемся пространстве, и предпочел напечатать его ниже целиком. Ту же ошибку допускает и К. Р. Капсалькова в своей публикации, правда, «отрывая» последнее предложение уже от конца того же абзаца (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 11). Кроме того, во фразе «докторская Ременникова (ученик Бокщанина)» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 10) она выпускает уточнение в скобках – и это, очевидно, тоже обычный недосмотр. Точно так же при публикации другого письма Сиротенко А. Венгер во фразе «отплатить им ею за их доброту» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 12 об.) заменил «доброту» на «работу» [Венгер, 2021, с. 103], в другом письме «отделаться от этих перебежчиков» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 4) заменил на «отделиться» [Венгер, 2021, с. 89], а в третьем вместо «уверениями» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 5) передал «утверждениями» [Венгер, 2021, с. 94]. Самый заметный (явно технического происхождения) недосмотр со стороны А. Венгера: он поместил абзац, завершающий письмо от 11 декабря 1966 г. (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 4 об.) в конце предшествующего письма от 30 октября 1966 г. [Венгер, 2021, с. 88].

Отдельной строкой можно выделить сознательную неточность в передаче оригинала: прежде всего, когда Р. Е. Капсалькова корректирует опечатки самих корреспондентов, правда, не оговаривая этого. Например, «Дмитриева» у Сюзюмова она исправляет на явно имевшегося в виду А. Д. Дмитрева (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 3); похожим образом в публикации дано правильное «Галина Каппесова» (Kappesowa), а Сиротенко напечатал «Копесова» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 12 об.). Наверное, в том, что публикатор не уточняет каждое исправление, есть свой смысл, но аккуратность Р. Е. Капсальковой может быть неожиданно нарушена: при публикации последнего упомянутого письма (от 29 сентября 1970 г.) она довольно часто теряет одно-два слова. Например, вместо «Низкий поклон и привет мой ей» (Там же. Л. 13) остается «Низкий поклон мой ей» [Капсалькова, 2021, с. 32-15], при публикации письма Сиротенко от 10 июня 1967 г. потеряно полтора предложения (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 19) [Капсалькова, 2021, с. 32-10], в другом письме Сюзюмова вместо «поселения пограничных воинов» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 1) напечатано «укрепления пограничных городов» [Капсалькова, 2021, с. 32-7] (Венгер, видимо, совершил опечатку: «поселение» [Венгер, 2021, с. 84]). Подобным же образом неаккуратно (с большим количеством мелких погрешностей) передано у А. Венгера письмо Сиротенко от 15 января 1967 г.: например, вместо «я всё ужасаюсь Вашему стилю» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 5) получилось «я в ужасе Вашему стилю» [Венгер, 2021, с. 94].

Теперь, чтобы разобраться в различиях, вызванных подходами к публикации, обратимся к ряду примеров. Вот как выглядит фраза у Сиротенко: «Жизнь уже преподнесла Вам столько

не только научной славы и последователей, xxx и так закалила Вас, что новые удары Вас только будируют к новым изысканиям в науке...» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 10). Я постаралась передать эту фразу максимально близко к оригиналу: тремя иксами Сиротенко «запечатал» поперх сначала написанное им слово «что» (оно тем не менее отчетливо проступает), а закончил фразу четырьмя точками. А. Венгер сохранил эти четыре точки, но удалил три икса и запятую, которая была перед ними, никак это не оговаривая [Венгер, 2021, с. 104] – вполне рациональный ход, поскольку запятая теряет смысл без последующего местоимения: судя по всему, Сиротенко забыл сначала о словах «и так закалила Вас», начав печатать последнюю часть фразы («что новые удары...»), а затем исправился – «запечатать» поперх и запятую «иксом» он не мог, потому что тогда этот знак слился бы с предшествующим словом («последователей»). Р. Е. Капсалькова поступила более смело. Она привела многоточие к норме (в три точки), удалила три «икса», зато сохранила запятую и попыталась сделать фразу более понятной: между «преподнесла Вам столько» и «не только научной славы» поставила двоеточие [Капсалькова, 2021, с. 32-15]. Вероятно, издательницу писем смутила здесь неблагозвучная стыковка «столько не только», и она разорвала ее с помощью самостоятельно внесенного знака (на который нет в оригинале никакого намека). Формально такая фраза выглядит более грамотно построенной, но, во-первых, она все равно не становится лучше стилистически, а во-вторых, на мой взгляд, получилось не вполне то, что хотел сообщить сам автор. Видимо, подобное же желание Р. Е. Капсальковой прояснить текст проявилось и в публикации письма, в котором Сиротенко пишет про выход из печати «Эпистографии» В. А. Сметанина [Сметанин, 1970]. Если А. Венгер передает дословно: «поиск литературы затруднен тем, что ссылки написаны от руки [...], но и этот недостаток компенсируется уверенностью в правильности ссылки» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 12) [Венгер, 2021, с. 102], то Р. Е. Капсалькова – на мой взгляд, совершенно напрасно – исправляет конец фразы: «и этот недостаток компенсируется уверенностью и правильностью ссылки» [Капсалькова, 2021, с. 32-14].

Казалось бы, на основе приведенных примеров можно было бы сделать вывод, что А. Венгер всегда склонен более буквально передавать оригинал, а Р. Е. Капсалькова стремится к его «нормализации», но и это не вполне так: Сиротенко писал «Еревань», что уже тогда давно не было литературной нормой, но сохранялось в просторечном обороте (вспомним песню Высоцкого «Диалог у телевизора», написанную в 1972–1973 гг.), и на этот раз Р. Е. Капсалькова оставляет специфическое написание, в то время как А. Венгер убирает эту характерную деталь [Венгер, 2021, с. 105]. Поэтому приходится признать, что при всех различиях в подходах обоих издателей роднит то, что они иногда нарушают собственные принципы.

Это хорошо видно на примере едва ли не самого важного письма в переписке – первого, написанного Сюзюмовым 30 октября 1966 г., в котором тот дал Сиротенко одну из важных идей диссертации: о том, что начальным истоком сталинской «революции рабов» были идеи Н. Д. Фюстель де Куланжа. Следует признать, что тут есть объективные сложности: письмо длинное, с исправлениями и вставками, впечатанными над строками, а поскольку сохранилась только копия, то на первом листе «копирка» поехала, и часть текста оказалась наложена друг на друга, а часть – утрачена. Здесь Сюзюмов не использовал красную строку, ставил то два, то три восклицательных – все, что вполне допустимо в частном письме, неизбежно требует правки при публикации, в том числе потому, что в этом эмоционально написанном письме не всегда согласованы предложения или подробно раскрыта мысль – Сюзюмов не без оснований полагал, что адресат поймет его и так. Публикаторы несколько раз оказались жертвами этих сложностей: так, А. Венгер во фразе «в римском законодательстве того времени сколько угодно положений против притеснений со стороны знати, против патрониев» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 1) решил исправить последнее слово на «патрициев» [Венгер, 2021, с. 84]. С другой стороны, Р. Е. Капсалькова в словах «в то же время Вы невольно связываете с внутренними проблемами империи – окажетесь под ударами со всех сторон!» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 2) не решилась, в отличие от своего обычного подхода, поставить очевидно напрашивающееся «связывается».

В следующем письме Сюзюмова от 11 декабря 1966 г. – почти столь же важном, поскольку тут он в одиннадцати тезисах излагает то, как он понял суть докторской диссертации Сиротенко, – мы тоже встречаемся с рассогласованием в предложении и невозможностью бук-

вального воспроизведения оригинала. Оригинал: «Облегчило проникновение варваров внутрь Империи содействовали хозяйственное использование германских военнопленных в качестве рабов и поселенцев, но в особенности стремлением варваров...» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160. Л. 4). А. Венгер передал это так: «Облегчению проникновения варваров внутрь Империи содействовали хозяйственное использование германских военнопленных в качестве рабов и поселенцев, но в особенности стремление варваров...» [Венгер, 2021, с. 89]. Р. Е. Капсалькова: «Облегчило проникновение варваров внутрь Империи хозяйственное использование германских военнопленных в качестве рабов и поселенцев, но в особенности, стремлением варваров...» [Капсалькова, 2021, с. 32-8]. В последнем случае, как можно увидеть, издатель не помог читателю понять мысль Сюзюмова, а, скорее, запутал его.

Конечно, все эти моменты обретают свою актуальность только в том случае, если публикуемый источник обладает научной ценностью³, и здесь принципиально определить, что дает истории науки вышеупомянутая переписка. Соответственно, если переходить к содержательной стороне вопроса, то мне уже приходилось писать развернутую рецензию на монографию А. Венгера [Крих, 2022], и поэтому я позволю себе не возвращаться к ее оценке. В своей монографии А. Венгер использовал материалы переписки наряду с данными воспоминаний, и это во многом позволило ему показать личность героя своей книги в ее разнообразных проявлениях. Пожалуй, в наименьшей мере переписка была использована для комментария к научной концепции В. Т. Сиротенко, а главное – к тому, как и в каких обстоятельствах эта концепция вызревала. А выяснение этого позволяет увидеть не только идеи отдельного исследователя, но и открыть специфику действия провинциальных версий советской историографии.

То же самое замечание, при некоторых оговорках, следует адресовать и публикации К. Р. Капсальковой. Очевидно, что в статье, подавляющую часть которой составляет издание архивных материалов, автор предпочтет сосредоточиться на комментариях отдельных деталей жизни и быта (например, идентифицировать все персоналии, упоминаемые в переписке – со свердловскими лучше справилась К. Р. Капсалькова, с днепропетровскими – А. Венгер), а не на вопросах исторической теории, но все-таки те пояснения, которые К. Р. Капсалькова дает в последних случаях, сложно признать не то что недостаточными, а хотя бы бесспорными. И дело тут вовсе не в том, что она не излагает основные научные взгляды Сиротенко или Сюзюмова – этому как раз посвящено несколько подробных абзацев. Проблема в том, как это сделано.

Во-первых, она героизирует того, кого считает главным корреспондентом в издаваемой переписке: «С тем же спокойным мужеством, с которым он прошел фронтовые дороги Великой Отечественной войны, майор В. Т. Сиротенко вступил в борьбу с историософской химерой – германизмом» [Капсалькова, 2021, с. 32-2]. Далее указывается на то, что «по охвату источников и доскональному знанию историографического материала работа Сиротенко до сих пор остается непревзойденной» [Капсалькова, 2021, с. 32-2] – утверждение столь же смелое, сколь и неверифицируемое, хотя Э. А. Томпсону (1914–1994), возможно, было бы обидно такое прочесть. Неблагоприятные детали для биографии главного героя затушевываются: например, не говорится о том, что на защите им докторской диссертации ни один из оппонентов не был специалистом по взаимоотношениям Рима с варварами. Справедливо указано, что Сиротенко после защиты докторской в основном выпускал работы, являющиеся отдельными ее частями, но в другом месте сказано, что у него были разнообразные научные интересы.

Изложение ряда фактов выглядит односторонним и предвзятым: исследовательница, говоря от себя, описывает историографическую ситуацию в советской науке 1960–1970-х гг. так, как ее мог видеть В. Т. Сиротенко, который полагал, что в ней сохранилось унаследованное от зарубежной историографии преувеличение роли германцев в процессах перехода к феодализму на территории Западной Европы. Вот как обрисовано это положение дел у Р. Е. Капсальковой: «В 1960-е гг. раннесоветская болезнь роста, “покровщина”, дала рецидив. Однако научная сессия “Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе”, которая проходила в 1966 году в Институте истории АН СССР, продемонстрировала беспомощность германизма» [Капсалькова, 2021, с. 32-6]. Далее сообщается, что М. Я. Сюзюмов, В. Т. Сиротенко и А. П. Каждан выступали убедительно, а их оппоненты – маловразумительно (употреблено именно это слово. – С. К.), и среди оппонентов названы такие фигуры, как А. И. Неусыхин, А. Д. Люблинская, Е. В. Гутнова. Примечательно, что неясна источниковая база этого коммен-

тария: единственная ссылка, которая сопровождает вышеприведенный пассаж, дана на автореферат докторской диссертации самого В. Т. Сиротенко, в котором, правда, нам не удалось найти упоминаний ни о «покровщине», ни о научной сессии 1966 г., что, в общем, не удивительно: написать подобное в автореферате было бы слишком большим риском для соискателя ученой степени [Сиротенко, 1969]. Получается, что Р. Е. Капсалькова сама определила выступления оппонентов Сиротенко как маловразумительные. Нет сомнения, у нее есть полное право считать Сиротенко более значимым и убедительным ученым, чем те, с кем он дискутировал, но, возможно, читателю научной публикации было бы нелишним узнать, что в отечественной традиции научное влияние, например, Неусыхина и Сиротенко совершенно несопоставимы, и отнюдь не в пользу последнего.

В заключении к публикации Р. Е. Капсалькова вовсе без ссылок сообщает про Сиротенко, что «во время рассмотрения диссертации в ВАКе ему не удалось избежать клейма “буржуазного историка”» [Капсалькова, 2021, с. 32-26]. Между тем для поздней советской историографии использование таких выражений во внутренней дискуссии – редкость, и поэтому такие утверждения лучше хорошо обосновывать.

В принципе, увлечение личностью своего героя не самое страшное прегрешение историографа, и трудно здесь найти того, кто имел бы право бросить в коллегу первый камень, но в данном случае на его фоне вырисовывается второе, более существенное, отличие в видении советской науки между А. Венгером и Р. Е. Капсальковой. Первый в своем исследовании жизненного пути Сиротенко однозначно исходит из того, что термины, в которых советская историография сама себя описывала, следует использовать с осторожностью и не говорить с современным читателем языком речевых штампов прошлого. Но, читая вводные и заключительные части к публикации писем, сделанной Р. Е. Капсальковой, можно подумать, что советская эпоха вообще не заканчивалась: «покровщина», «рецидив», «беспомощность» (применительно к чьим-либо взглядам), «клеймо», «историософская химера» – все это типично советская оценочная лексика, используемая так, словно она органично отражает взгляды современной исследовательницы.

Однако каждый имеет право на свою систему воззрений, а в задачи данной статьи совершенно не входит разбор представлений Р. Е. Капсальковой. Суть в том, что эти воззрения не позволяют ей предложить читателю те комментарии, которые были бы для него наиболее полезны и заставляют вместо этого рисовать довольно противоречивую картину, которая обнажается в заключительных ремарках: Сиротенко «последовательно “сокрушал” базовые стереотипы безраздельно господствовавшей в советской медиевистике “германистской школы”» [Капсалькова, 2021, с. 32-26], при этом оставался марксистом, но заслужил клеймо «буржуазного историка». Почему так произошло и как это все уживалось, читателю не объясняется.

Между тем, на мой взгляд, следовало бы начать с самого элементарного: сообщить читателю, что терминология, которая используется в опубликованной переписке, не являлась консенсусной в советской науке тех времен. Большинство советских медиевистов не принимали Сиротенко всерьез. На экземпляре его докторской диссертации, который хранится в Химках, можно найти большое количество недоуменных помет в том, посвященном историографии проблемы. На той странице, где он делает свои (вдохновленные Сюзюмовым, как можно было увидеть выше) выводы о концепции Фюстель де Куланжа, утверждая, что тот «сам фактически создал теорию революции “рабов, колонов и всякого рода недовольных”» [Сиротенко, 1968, с. 84], карандашом приписано «очень сомнительно», «надуманно». Сами себя советские медиевисты «германистами», конечно, не считали.

Более того, у них даже было немного шансов узнать, что с ними борется Сиротенко, поддерживаемый Сюзюмовым. Версии героического противостояния можно противопоставить простое наблюдение: во всей переписке, длившейся более двадцати лет, термин «германисты» использовал только Сиротенко, у Сюзюмова он не встречается. Конечно, можно предположить, что он содержался в каких-то потерянных письмах от Сюзюмова (Сиротенко ведь отвечает ему «Согласен с Вами – германизм не сокрушен» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 10)). Конечно, нельзя утверждать, что Сюзюмов никогда сам не употреблял этот термин применительно к советской науке – уж по крайней мере, о «покровщине» он писал нередко [Поляковская, 2002, с. 19], но тем не менее факт его отсутствия в публикуемой переписке остается, и он хорошо согласуется с теми упреками в чрезмерно радикальном стиле, которые высказывал Сюзюмов к

работе Сиротенко, и свидетельствует в пользу того, что сам свердловский византинист стремился к более аккуратным формулировкам в отношении коллег. Но главное, если мы обратимся к публикациям даже не Сюзюмова, а самого Сиротенко, то увидим, что в них он высказывался о советской историографии гораздо более осторожно, чем в частной переписке [Сиротенко, 1973, с. 14–15] и, как это показывает монография А. Венгера, в лекционной аудитории. Сиротенко воевал с теми, кого называл «германистами», в основном в устной, а не в печатной форме. Можно ли называть такую тактику «спокойным мужеством», мне судить сложно, но то, что она вполне понятна в тех условиях, кажется очевидным.

Эти наблюдения раскрывают перед нами специфику функционирования советской историографии: во-первых, ее акторы нередко использовали для споров прием «всё плохое одинаково» и поэтому были склонны определять своих оппонентов и воскресшими сторонниками Покровского, и германистами одновременно. Во-вторых, в советской исторической науке – особенно послесталинского времени – существовал большой зазор между тем, что думал историк о своих оппонентах, и тем, что он мог себе позволить высказать в публичном пространстве; зазор этот был не только стилистическим (он есть в любой науке), но и содержательным. Это провоцировало несогласованность невысказанных позиций между собой и наличие большого количества информации для «посвященных», что порождало и третью особенность, а именно возможность появления региональных версий общего историографического нарратива, существование и дальнейшая судьба которых является пока малоизученной темой.

Сам оригинальный, но заметно отдаленный от московско-ленинградского сообщества медиевистов ученый, Сюзюмов, консультируя Сиротенко по вопросам докторской, способствовал рождению такой региональной версии советского нарратива. То, что она получилась несколько агрессивной по отношению к мейнстримной, – неудивительно, ведь региональные версии часто строят свою идентичность на противопоставлении «ядерной» традиции. Стараясь помочь Сиротенко высказать сильные, достойные докторской диссертации идеи, Сюзюмов пытался соблюсти баланс между оригинальностью и приемлемостью как этих идей, так и формы их подачи. Добиться этого не удалось, что сказалось в итоге на репутации обоих историков.

И еще одно наблюдение. Сейчас при публикации архивных документов стало чуть ли не каноном выносить в заглавие какую-либо цитату из публикуемого источника – это прием, который рассчитан и на эффект привлечения (если цитата будет интересной), и на то, чтобы подчеркнуть характер публикации: знакомство с «голосами эпохи». Прием при этом скрывает очевидную манипуляцию: как бы предлагая говорить источнику, публикатор в действительности сам подбирает нужные ему слова. Манипулятивность эта возрастает в том случае, если публикуется не единичный документ или письма одного корреспондента, а переписка, потому как в этом случае представлены два «голоса». Р. Е. Капсалькова вынесла в заглавие своей публикации слова В. Т. Сиротенко: «Германистам нужно дать битву» (ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 14 об.), – но, если попробовать учесть еще и «голос» М. Я. Сюзюмова, то можно было бы предложить и другое заглавие, например: «Ведь меня поднимут на смех все мои коллеги и я стану посмешищем» (Там же. Д. 160. Л. 5).

Примечания

¹ Исследование поддержано РНФ, в рамках исследовательского проекта № 22-28-00519 «Разнообразие под видом единства: советский исторический нарратив 1960–1980-х гг. (пример истории древности)».

² Поскольку работа К. Р. Капсальковой вышла в электронном журнале и формально вся помещена на одной странице (32-й), то ссылки на конкретные страницы в файле обозначены мною здесь и далее второй цифрой.

³ Вопрос о том, какие архивные материалы нуждаются в публикации, недавно был предметом небольшой дискуссии (см., например, [Матханова, 2019; Метель, 2019]), взгляды в которой разнились от призывов к тому, чтобы тщательно определиться с тем, какие источники подлежат публикации, до позиции, согласно которой широкая публикация источников является единственным продуктивным подходом.

Список источников

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 160; Д. 250.

Библиографический список

- Венгер А. Образы медієвіста та медієвістики: Василь Сиротенко. Вінниця: Нілан-ЛТД, 2021. 244 с.
- Волошин Д.А. Теория революции рабов. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 256 с.
- Капсалькова К.Р. «Германистам нужно дать битву»: переписка В.Т. Сиротенко и М.Я. Сюзюмова (1960–1970-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 4 (29). С. 32–32.
- Крих С.Б. Между восхищением и презрением: В.Т. Сиротенко как провинциальный историк // Вестник Перм. ун-та. История. 2022. № 1(56). С. 144–149.
- Матханова Н.П. Так ли уж всё плохо (размышления оптимиста) // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2019. Вып. 12. С. 266–277.
- Метель О.В. Институциональная структура советской исторической науки 1920–1930-х гг. по материалам источников личного происхождения (заметки и размышления) // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2019. Вып. 12. С. 278–291.
- Сиротенко В.Т. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. Часть I. Источники. Пермь, 1973. 175 с.
- Сиротенко В. Т. Международные отношения в Европе второй половины IV – начала VI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 1969. 43 с.
- Сиротенко В.Т. Международные отношения в Европе второй половины IV – начала VI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 1968. Т. 1. 424 с.
- Поляковская М.А. Михаил Яковлевич Сюзюмов: ученый и время // Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 5–22.
- Сметанин В.А. Эпистолагафия: метод. разработка к спец. семинару для студентов-заочников ист. фак. Свердловск, 1970. 181 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.02.2023

REGIONAL VERSIONS OF THE SOVIET NARRATIVE: ON THE PROBLEM OF PUBLISHING ARCHIVAL MATERIALS

S. B. Krikh

Dostoevsky Omsk State University, Mira av., 55-a, 644077, Omsk, Russia
krikh@rambler.ru
ResearcherID: M-5123-2016
Scopus Author: 57194386149

The article is devoted to the analysis of two editions of the correspondence between medievalists M.Y. Syuzyumov (1893–1982) and V.T. Sirotenko (1915–2006). The first of them was predominantly a Byzantine scholar, the second studied the period of transition from antiquity to the Middle Ages in Europe; Syuzyumov actually acted as a consultant for Sirotenko writing his doctoral thesis. The publication of 25 letters was made in 2021 in two versions: in the monograph by A. Wenger and in the article by K.R. Kapsalykova; both versions are independent of each other and differ from each other in dozens of more or less significant details. The article shows that such a difference is explained by: technical errors; different principles of publishing archival materials and individual decisions made by publishers who had to deal with typos, inaccuracies and author's punctuation of the participants in the correspondence. Further, the author demonstrates what details in the correspondence did not get attention from the publishers, which reduced the scientific value of the publication. The correspondence can serve as good evidence of the state of affairs in the provincial scholarship in the late Soviet period, showing the formation of regional versions of the Soviet historical narrative. Recently, the publication of archival sources on the history of Soviet science has acquired a large scale. Therefore, we have the right to raise the question of the quality of publications, which includes both the technical side of the matter and the problems of commenting on the published material. Accordingly, the quality of a source is determined not only by its content, but also by the extent to which the publisher manages to show its meaning in a wider context; when this context is incomprehensible to the publisher himself, then the source will remain “closed” to most readers.

Key words: archival data, Soviet historiography, source study of the Soviet period, Soviet medieval studies, provincial scholarship.

Acknowledgments

¹ The study was funded by the Russian Science Foundation (project № 22-28-00519 “Diversity under the guise of unity: Soviet historical narrative of the 1960s – 1980s (an example of the history of antiquity)”).

References

- Kapsalykova, K. R. (2021) “We need to give a battle to Germanists”: correspondence of V. T. Sirotenko with M. Ya. Syuzyumov, 1960–1970”, *Nauka. Obschestvo. Oborona*, vol. 9, № 4, pp. 32–32.
- Krikh, S.B. (2022), “Between attraction and contempt: Vasily Sirotenko as a provincial historian”, *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya*, № 1 (56), pp. 144–149.
- Matkhanova, N. P. (2019), “Is it all really so bad (reflections of an optimist)”, *Mir istorika*, iss. 12, pp. 266–277.
- Metel, O. V. (2019), “The institutional structure of the Soviet historical science in the 1920s – 1930s according to the materials of the personal sources (notes and reflections)”, *Mir istorika*, iss. 12, pp. 278–291.
- Polyakovskaya, M. A. (2002), “Mikhail Yakovlevitch Syuzyumov: The scholar and his time”, in Syuzyumov, M.Y., *Vizantiyskie etudy* [Byzantine Etudes], Izdatelstvo Uralskogo Universiteta, Yekaterinburg, Russia, pp. 5–22.
- Smetanin, V. A. (1970), *Epistolografiya: metod. razrabotka k spets. seminaru dlya studentov-zaochnikov ist. fak.* [Epistolography: methodical worksheet for a special seminar for part-time students of historical departments], n.p., Sverdlovsk, USSR, 181 p.
- Syrotenko, V. T. (1968), *Mezhdunarodnye otnosheniya v Evrope vtoroy poloviny IV – nachala VI vv.: dis. ... d-ra ist. nauk* [International relations in Europe in the second half of the 4th – early 6th centuries. Doctoral Thesis], vol. I, n.p., Perm, USSR, 424 p.
- Syrotenko, V. T. (1969), *Mezhdunarodnye otnosheniya v Evrope vtoroy poloviny IV – nachala VI vv.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [International relations in Europe in the second half of the 4th – early 6th centuries. Abstract of diss. ... Doc. of History], n.p., Perm, USSR, 43 p.
- Syrotenko, V. T. (1973), *Vvedenie v istoriyu mezhdunarodnykh otnosheniy v Evrope vo vtoroy polovine IV – nachale VI vv.* [Introduction to the history of international relations in Europe in the second half of the 4th – early 6th centuries], part 1, Sources, Izd-vo PGU, Perm, USSR, 175 p.
- Venger, A. (2021), *Obrazi medievista ta medievistiki: Vasil' Sirotenko* [Images of medievalist and of Medieval Studies: Vasyl Syrotenko], TOV «Nilan-LTD», Vinnytsa, Ukraine, 244 p.
- Voloshin, D. A. (2016), *Teoriya revolyutsii rabov* [Theory of the slave revolution], Dizayn-studiya B, Stavropol, Russia, 256 p.